

Михаил Монастырский

МЫ ТЯНЕМСЯ К НЕБУ

18+

Михаил Монастырский

Мы тянемся к небу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48487651

SelfPub; 2019

Аннотация

Список имён самых близких ему людей, ушедших из жизни раньше него, постепенно увеличивался, пока он сам не попал в мой точно такой же список.

Список имён самых близких ему людей, ушедших из жизни раньше него, постепенно увеличивался, пока он сам не попал в мой точно такой же список. "Плюс один", – подумал я в очередное утро, обращаясь к Господу с просьбой найти для всех место в раю, в начале упоминая тех друзей и близких, кто первыми ушли из жизни ещё в моей юности, за ними остальных по порядку дат смерти. Когда-то их было четверо, потом десять, а до вчерашнего дня тринадцать.

Он умер вчера утром, спустя час, как пришёл на работу. Может он неважно себя чувствовал или у него были какие-то проблемы, но он никому не сказал об этом. Хотя, у кого сейчас нет проблем и, всегда ли мы прекрасно себя чувствуем? Не каждый будет говорить об этом, тем более на работе.

Как обычно, вместе со всеми, выпив утренний кофе в ординаторской, он встал с протёртого кожаного дивана, и сказав, что идёт на обход, вышел в своё родное хирургическое отделение. Не прошло и трёх минут, как он вернулся обратно, негромко сообщив коллегам, торопливо заполняющим истории болезни пациентов, уже мысленно покинувшим больницу после ночного дежурства, что он себя плохо чувствует.

– Приляг на диван, полежи, – он услышал в ответ, но головная боль была в этот момент настолько сильной, что он даже не понял, кто именно посоветовал ему прилечь. Этот голос прозвучал настолько тихо и протяжно, что было непонятно, с какой стороны он раздался. По памяти, на ощупь,

потому что в глазах потемнело и, всё вокруг поплыло, он нашёл диван, на который рухнул лицом вниз, едва не промахнувшись. Но этого никто не заметил. Превозмогая себя, из последних сил, он перевернулся на спину и, открыл глаза, уставившись в потолок, как в белый киноэкран, жадно глотая ртом прохладный утренний воздух, нежный поток которого медленно и плавно стекал с подоконника невидимым ручьём в распахнутое окно ординаторской.

Только он подумал, что единственное чего хочется ему в этой удивительной жизни – это дышать, как в миг белый экран потемнел. Вдали ярко сверкнула молния и, раздался оглушительный гром, расколовший пополам небеса. В ушах болезненно загудело. От страха по всему телу выступил ледяной пот. Внезапно сорвавшийся ветер подхватил и, пронёс мимо всё, что лежало под ногами. Казалось, ещё мгновение и люди, как листья деревьев, полетят, захваченные вихрем в какую-то вселенскую неизвестность. Безжизненная космическая мгла полилась с треснувшего потолка вниз, растекаясь в стороны и заполняя собой пространство. Он, молча, наблюдал за происходящим, незаметно угасая для окружающих.

Неожиданно в открытое окно влетела птица. Она промчалась над головами, сделав несколько кругов и, выпорхнула на улицу. Все заметили, что только он, уставившись в потолок, не шелохнулся в этот момент.

"Плюс один", – подумал я, когда узнал об этом, и обра-

тился мысленно к Господу с просьбой найти для всех место в раю, надеясь, что тоже попаду в чей-нибудь список.

Нас засыпают землёй, а мы тянемся к небу.

В этот момент хочется крикнуть: "Остановитесь!" Но, нет, я, как и все, молчу. Сверху укладывают каменную плиту. Все, присутствовавшие на церемонии прощания, оставляют цветы, медленно расходятся и, разъезжаются по своим делам.

Мой водитель открывает дверь, я сажусь в автомобиль. Чуть опуская тонированное стекло, смотрю на свежую могилу, надеясь в эту секунду выйти из глубокого сна, вызванного сильнодействующим транквилизатором.

Но нет...

Водитель медленно нажимает на педаль газа, и мы трогаемся вслед за другими машинами, выползающими с территории стародавнего кладбища.

Страшные тайны живут рядом с нами и мы боимся их, также как перемен, связанных с утратой близкого человека. А я боюсь, что мы ошиблись и заживо закопали человека, абсолютно уверенно, что он мёртв, что его больше нет среди нас в этом мире.

Не торопясь, въехав в город, водитель не отрывает взгляд от дороги, а мой, только что похороненный друг, точно сидит рядом со мной на заднем сидении. Он, как я, молча, глядит через стекло, но только на противоположную сторону мелькающей за окном знакомой нам улицы, с пересекающи-

ми её переулками, с не просыхающими осенними лужами, с натканными везде, где попало ларьками и автобусными остановками, залепленными от самых крыш до земли рекламами и нелепыми объявлениями, с бездонными вонючими арками, пронизывающими, как толстые цыганские иглы, дома с их окнами и балконами, набитыми до самого неба чёрт знает, чем.

Водитель, словно, читая наши мысли, и наблюдая в зеркало заднего вида за то опускающимся, то поднимающимся самим по себе на несколько сантиметров боковым окном со стороны моего друга, предложил припарковаться, чтобы перекурить. Я кивнул ему в знак согласия. Он встал на набережной, оставшись в автомобиле, включив аварийку и не заглушая двигатель. Мы же, молча, вышли.

Осенний ветер сразу заставил застегнуть пальто и поднять воротник. Щёлкнув зажигалкой один раз, мне удалось удержать мотающееся в кулаке пламя, и мы успели прикурить сигареты с первого раза. Распрямившие спины, крепко затянувшись, мы одновременно выдохнули дым, глядя, как ветер вмиг унёс его на несколько метров чуть ли не до середины Москвы-реки. Наблюдая за его красивыми мастерски выполняемыми пируэтами, оставляющими за собой узоры в резких хаотичных порывах воздушных потоков, удивляясь их лёгким, простым, но необычайно замороченным движениям, каждый из нас видел своё.

За спиной нас ждал мигающий жёлтыми лампочками

автомобиль, вдоль набережной торопливо шли десятки разноцветно одетых прохожих, пытающихся на ходу раскрыть сопротивляющиеся зонты. Срывался небольшой дождь. Я подумал, что примерно так выглядел бы фон этого мгновения, запечатлённого на холсте картины неизвестного художника, если бы, конечно, он стоял в это время на том берегу реки и глядел в нашу сторону.

Но, снова нет...

Мы вернулись в машину. Дворники мягко издавали приятный звук, стирая, падающие на лобовое стекло мелкие капли дождя.

Водитель включил поворотник и продолжил движение, спросив у меня дальнейший маршрут. Я предложил ехать к башне «Око» Сити-Центра, там, где есть самая высокая в Москве обзорная площадка High Port с видом на город с высоты 354 метров, что всего лишь на шесть метров ниже Останкинской башни.

Молча, поднявшись втроем на скоростном лифте, мы вышли на открытую совершенно пустую безлюдную, учитывая сегодняшнюю погоду, плоскость.

– Давно, мы не пили водки, – сказал я, улыбаясь.

Через несколько минут официант вынес нам пару рюмок с графином, прикрывая себе лицо свободной рукой от морозящего дождя. Он, поставил поднос на столик, и скорее сбежал. Водитель профессионально наполнил обе стопки до краёв, напомнив мне, что он за рулём.

Мы же, как полагается в таких случаях, не чокнувшись, залпом выпили. Водитель, практически не отрывая глаз с горизонта, добавил нам ещё по полной. Мы снова, молча, осушили хрусталь.

Через мгновение мой друг, поставив рюмку на поднос, отошёл к самому краю площадки. Он обернулся к нам и, впервые после своей смерти произнёс:

– Я повторю слова Моцарта, друзья мои! «Я благодарю своего Бога за то, что он любезно предоставил мне возможность изучения, что смерть – ключ, который отпирает дверь в наше истинное счастье. Я не слышу в своём воображении части музыки последовательно, я слышу её всю сразу. И это наслаждение!»

Он протянул руки высоко-высоко вверх, как травинка, тянущаяся изо всех сил к Солнцу, и тут из его рук, превращающихся в два больших крыла, через одежду показались, на глазах увеличиваясь, перья разной длины. Он посмотрел вверх и, порхнул крыльями так легко, быстро удаляясь в высоте над нашими головами, что мы даже не успели в полной мере осознать сказанного им и, заметить, как он растворился где-то очень-очень высоко в небе.

Спустя несколько минут мы спустились на лифте вниз, водитель открыл мне дверь, я сел в автомобиль. Машина медленно тронулась и выехала с парковки на эстакаду. Дворники лобового стекла снова мягко начали издавать приятный звук, стирая, словно мел с доски губкой времён, пада-

ющие на лобовое стекло капли дождя. Читая мои мысли, наблюдая в зеркало заднего вида, водитель негромко включил заупокойную мессу «Реквием» Ре минор великого Вольфганга Амадея.

Я кивнул ему в знак согласия.